

63.3 (2Р36-4кур)

П.55 +

700000

Издательство «Курган»
г. Курган, ул. Мухоморова, 10

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
УВАЖАЕМЫЙ

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

1.249.930

Курганская область **Курган**
Библиотека **2004**
им. А. И. Югола
Книгохранилище

002K

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А. Богомолова

Составители: А.И. Букреев, В.А. Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

А ВПЕРЕДИ БЫЛА ВСЯ ЖИЗНЬ

Воскресным утром 15 июня наш детский дом выезжал из Кременчуга на летний отдых в село Келеберду. Как и год назад, все было обставлено торжественно. Построились в колонну по четыре. Впереди встал баянист. С музыкой и песнями прошли по Первомайской к пристани. Здесь нас ожидал речной трамвай.

Проплыли под Крюковским мостом. Впереди блестела на солнце и дышала свежестью гладь реки. Справа и слева зеленели берега. Настроение у всех было приподнятое. Многие плыли на судне впервые. Примерно через час слева показался высокий мыс, окаймленный выступающими из воды глыбами дикого гранита, — пристань Келеберда.

Разместились в местной школе — недавно построенном, Г-образном одноэтажном здании.

Торжественное открытие лагеря намечено на следующее воскресенье. Предполагаются костер, выступление самодеятельных артистов и гвоздь программы — клоунада Володи Машенко.

В назначенный для открытия лагеря день мало кто за обедом обратил внимание на озабоченность воспитателей и на ту нервозную торопливость, с которой нас укладывали на мертвый час.

В комнатах — полная тишина. Слышны только шаги дежурного воспитателя по коридору. В воспитательской идет комсомольское собрание. Большинство не спит. Тихо лежим и маемся. Трудно уснуть, когда за окном буйствует лето. Но режим предписывает полтора часа отдыха в постели и, хочешь или не хочешь, нужно выполнять.

Наконец раздается долгожданная команда:

- Подъ-е-е-ем!

Дружно вскакиваем и одеваемся.

Но, что это? Вслед раздается новая команда:

- Всем выходить строиться на линейку!

Линейка среди дня? Такого еще не было. Случилось что-то из ряда вон выходящее. В спальню заскочил с комсомольского собрания майор Анапольский. Пытаюсь узнать у него.

-Отстань! Сейчас все скажут.

Я гну своё, настойчиво добиваюсь. В ответ полушепотом:

- Чего пристал? На нас напала Германия!.. Киев бомбили!

Это серьезно. Даже очень. Становлюсь в строй на линейке.

Выступает директор Давид Самойлович Гуревич:

- Сегодня в 12 часов по радио выступил товарищ Молотов. Он сообщил, что в 4 часа утра Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз. Германские самолеты бомбили Киев, Житомир, Севастополь, Каунас. Есть жертвы среди мирного населения. - От себя добавил: - Я не сомневаюсь, что Красная Армия даст отпор врагу, и через несколько месяцев Германия будет разгромлена. Для вас сейчас особенно важно соблюдать порядок и дисциплину.

Война постепенно входит в нашу повседневную жизнь. Спать укладываемся без света. Соблюдается светомаскировка. Во дворе на случай воздушного налета выкопали длинную, выше человеческого роста щель. Работаем в местном колхозе. Пасынкуем табачную плантацию – махорка нужна бойцам Красной Армии. Пропалываем плантацию шелковицы - это корм

для шелкопряда, а шелк идет на парашюты летчикам и десанникам.

В начале июля детдом принял первое военное пополнение – киевлян, родители которых, преимущественно врачи, мобилизованы: Майю и Юлика Кашченко, Леню Шаинского, Фиму Писчанского, Вадима Полторака.

С половины июля почти каждую ночь – воздушный налет на Кременчуг. Бомбят Крюковский мост. Однажды, когда перед обедом все собрались во дворе, над нами пронесся самолет. Летел он так низко, что можно было разглядеть летчика. На крыльях вместо привычных красных звезд чернели кресты. Произошло все за считанные секунды, но разговоров хватило на весь день.

Богатый детдомовский лексикон пополнился еще одним словом «эвакуация». Нам объявили: так как город постоянно бомбят, принято решение вывезти детские дома в глубокий тыл, чтобы мы могли спокойно учиться. Мы едем в Челябинск. Летний отдых заканчивается 10 августа. Вернемся в Кременчуг, а оттуда поедем дальше. Но у войны, как оказалось, свои сроки.

Утром 7 августа мы услышали стрельбу в районе пристани. До выяснения велено оставаться на месте и никуда не отлучаться.

Первая информация: на том берегу немцы высадили десант, захватили село Дериевку и обстреливают пристань.

Новая информация: уходим пешком на ближайшую железнодорожную станцию Галещина. Время тянется медленно.

Поступает команда: каждый берет с собой свою постель – одеяло, подушку, две простыни, наволочку и полотенце. Натянутые во дворе веревки для сушки белья мигом разрезаны на куски: нужны завязки. Наибо-

лее компактной и удобной упаковкой нашего нехитрого багажа признана скатка, перекинутая через плечо, наподобие красноармейской шинели. Почти у каждого пацана из-за пояса выглядывает ложка. Выход все время почему-то откладывается. По-видимому, выясняется или уточняется обстановка.

Наскоро обедаем. Последний мирный обед. Отныне и до декабря 1947 года предстоит питаться по несытым карточным нормам военного времени.

Солнце преодолело свою высшую точку и покатилося вниз, когда наша босоногая колонна медленно вытянулась за околицу. Вместе с нами, захватив пожитки, идут воспитатели и сотрудники. Замыкает шествие подвода. Ее тянет детдомовская кобыла Зорька. На подводу погружены кой-какое имущество и продукты. Сверху восседают малыши. Только им дана привилегия ехать. Под вечер остановились на ночлег в небольшом селе. Спать легли под открытым небом. Ночь была теплая.

Утром, всухомятку позавтракав, идем дальше. До Галещины осталось несколько километров.

На подходе стали свидетелями скоротечного воздушного боя, точнее, избиения. Вынырнувший внезапно со стороны солнца юркий мессершмитт безнаказанно расстреливал заходившие на посадку беззащитные тяжелые самолеты.

Небольшая станция Галещина, где в обычное время бывают, в основном, пригородные пассажиры, а дальние поезда останавливаются на две-три минуты, напоминает сейчас вокзал большого города. Пути забиты составами. В зале ожидания и пристанционном сквере полно людей. Из Кременчуга прибывают все новые беженцы, со стороны Полтавы выдвигаются воинские части. Да еще мы, почти полтора года человек.

Целый день провели на станции. Сотрудники по очереди съездили в город, чтобы вывезти свои семьи и

взять самое необходимое, в первую очередь, теплые вещи.

Вечером садимся в пассажирский состав, который должен идти на Полтаву. Забравшись на полки, крепко уснули. Ранним утром просыпаемся... в Галещине. Выгружаемся, так как поезд должен идти в Кременчуг.

Снова сидим на станции. Пополудни всех нас загружают в один багажный вагон поезда, следующего до станции Люботин. Наш поезд идет вне расписания. Где и сколько будет стоять, никто не знает. А потому на станках из вагона не выпускают. В вагоне теснота. Сидим прямо на полу. Жарко. Душно. Хочется пить. И так до позднего вечера. В Люботине первым делом бежим утолить жажду. Долго и жадно пьем из кружек, горстями или прямо из-под крана.

Разместились на ночлег в здании школы. Парты составлены у глухой стены одна на одну в три яруса. Освободившееся пространство комнаты становится спальней. Группируемся по два. Одно одеяло стелется на пол и закрывается простыней. Подушки прислонены к стене. Постель готова. Утомленные дорогой, забираемся под второе одеяло и, умиротворенные, засыпаем.

Люботин, где мы провели десять дней, выглядел совсем мирно. Аккуратные домики утопают в садах. Яблони густо обсыпаны зрелыми плодами. И над всем голубая высь чистого августовского неба. О войне – а до фронта немногим более двухсот километров – напоминают лишь обязательное затемнение и беженцы на станции.

Настал день, когда мы должны были ехать дальше. После обеда собрали пожитки и строим двинулись на станцию. В тупике, возле лесопосадки, нас ожидали

двухосный товарный вагон (по тогдашней терминологии, теплушка) и две открытые платформы. Это все, что с превеликим трудом удалось добыть у железнодорожного начальства. Вагоны стали большим дефицитом, и ничего другого для нас не нашлось.

В вагон погрузили имущество. Посадили туда малышей. Там же разместились сотрудники со своими семьями и пожитками.

Обживаем платформу. Наломали в посадке веники. Чистенько подмели и вымыли пол. Постелили поперек платформы постели, прислонив подушки к бортику. Вместе с нами едет воспитательница Татьяна Ивановна.

Честно говоря, перспектива путешествия на открытой платформе меня не очень пугала. Езды до Челябинска трое-четверо суток, с поправкой на военное время – дней десять. Августовские ночи не очень холодные и, закутавшись в одеяло, выдержать можно. Зато какие возможности! Впереди дорога почти через полстраны – Дон, Волга, Уральские горы. И все это увидим не в вагонное окно, не в раскрытую дверь теплушки, а подставляя лицо встречному ветру.

Романтика закончилась в первую же ночь. Проснувшись, выглянул из-под одеяла. Темно. Платформа ритмично вздрагивает. Значит, едем. Накрапывает дождик. Только этого не хватало. Укрываюсь с головой и пытаюсь заснуть. Не получается, так как дождь быстро усиливается. Холодные капли проходят через одеяло, одежду и стекают по телу. Прижимаюсь к напарнику, а он ко мне. Не помогает. Одежда и постель быстро намокают. Когда вода начинает подтекать и снизу, делать нечего, поднимаемся.

Сквозь низко нависшие тучи, поливающие нас дождем, прорывается рассвет. Поезд останавливается на большой станции. Повсюду составы, составы, составы.

- Дядя! Какая станция? – спрашиваем у проходящего железнодорожника.

- Основа...

За ночь проехали чуть больше двадцати километров.

Дождь то стихает, то снова усиливается. Промокшие до нитки, стоим, закутавшись в мокрые одеяла. Вид у нас сверхжалкий. Посиневшие от холода, дрожим, как цуцки. Согреться негде. Здание станции далеко. Хочется есть. Тарелка супа или стакан горячего чая представляются верхом блаженства.

Если бывает на свете чудо, то оно свершилось в то утро. Глядя на нас, горемычных, сжалились железнодорожники. Внезапно появляется Гуревич:

- Быстро собирайтесь! В тупике два вагона. Нужно их поскорее занять.

Команда воспринимается, как выстрел стартового пистолета. Пути пересекаем через тормозные площадки, сцепления или под вагонами – побыстрее бы.

Два свежевыкрашенных – только из ремонта – вагона, двухосный и пульман. Нары в два этажа. Первый и второй коллективы занимают пульман, третий – двухосный.

Половина вагона – пацаны, другая – девочки. Мне досталось место в верхнем ярусе у самой двери. На нарах по девять-десять человек. Тесно. Если все лягут на спину, места не хватит. О комфорте говорить не приходится. Одежду и все остальное предстоит высушить теплом собственного тела.

Но! Теперь мы защищены от непогоды, и постукивание дождевых капель по крыше воспринимается почти по-философски. А понятие «крыша над головой» материализовано на расстоянии вытянутой руки.

Постепенно сложился вагонный быт. Спать можно, сколько душа пожелает. Спим, естественно, одетыми. Ночи стали холодными. Еще до Москвы майки заменили нательными рубашками. Теплую воду для умывания

берем на стоянках в паровозе. Питьевую – в водоразборной колонке.

Кормят, в основном, сухим пайком, три раза в день по куску хлеба с маслом или кусочком сала. Не сытно, но для военного времени сносно. На больших станциях иногда удается покормить нас горячим обедом.

Находим взаимопонимание с паровозными бригадами. На лесных разъездах под Муромом собираем бруснику. За несколько минут до отправления машинист предупреждает нас коротким тихим гудком.

От Москвы до Свердловска добрались всего за неделю. Через сутки прибыли в Челябинск. Сидим в вагонах и ждем, пока директор выясняет, что дальше. По возвращении Гуревича узнали – мы едем в Шумиху. Это еще сто двадцать километров на восток.

Последняя ночь в поезде. На следующий день около полудня нас отцепляют и загоняют в тупик. Двадцатидневное путешествие закончилось. Покидаем обжитые, ставшие почти родными вагоны, прихватив с собой ведро с буквами НКПС.

Поздно вечером грузовики, возвращающиеся порожним рейсом из заготзерно, доставили нас в большое село.

Село Карачельское, где нам предстояло жить, находится в лесостепной зоне южного Зауралья, на левом высоком берегу реки Миасс, у впадения небольшой речушки Карачелки. На противоположном низком берегу Миасса расположилась деревня Дюрягино, а чуть выше по течению – деревня Береговая. На левом берегу, два километра вниз по течению – центральная усадьба совхоза «Большевик».

Посреди села большая площадь, где стоит высокая каменная церковь, купола которой видны за много ки-

лометров. В то время ее использовали под склад зерна.

На территории сельсовета – три колхоза, МТС, сельпо (два магазина, столовая, пекарня, швейная мастерская), средняя школа (разбросана по селу в пяти зданиях), молокозавод, почта, амбулатория, больница (в совхозе).

Место красивое. С высокого берега открывается вид на реку с небольшим островком. За рекой раскинулся луг. Дальше, почти параллельно реке, вытянулась в одну улицу деревня. За деревней поднимается полого хлебная нива. На горизонте золотится осенний лес.

Школу потеснили, сделали семилетней. Два освободившихся школьных здания, расположенных почти симметрично по обе стороны церкви, передали детдому.

Что представляет собой наш дом? Высокое крыльцо. Сени, где мы умываемся. Две классные комнаты, из них одна – проходная. Направо от проходной – еще одна маленькая комната. Здесь раньше была учительская. В проходной и маленькой комнате поселили мальчиков, в дальней комнате – девочек. Второй корпус ничем не отличается от нашего.

Применительно к расположению проведена реорганизация. Из трех коллективов сделали два, т.е. корпус – коллектив.

Сельпо отдало нам еще один дом на другой стороне площади. Здесь разместили кладовую, канцелярию, в маленькой комнате поселилась семья директора. Там же со временем оборудуют столовую и кухню. Пока питаемся в столовой сельпо.

Образовался своеобразный треугольник, в вершинах которого – детдом, а посередине – церковь.

Постепенно обживаемся на новом месте. Где-то раздобыли старые кровати и топчаны. На всех не хватает. Спим по два на одной или втроем на двух, сдвинутых вплотную, кроватях.

Через неделю пошли в школу, но учиться пришлось недолго. В колхозах катастрофически не хватает работников, а урожай нужно убирать. Копаем картошку, копим скошенные хлеба, работаем на току. Возобновились занятия только с середины октября.

Наш шестой «В» сформирован сверх комплекта из одних детдомовских. Половина обучалась до этого на украинском языке и первое время им приходится привыкать к русской терминологии. Другая трудность – общая – нехватка учебников. Никто не рассчитывал на такое количество новых учеников. А потому имеем лишь то, что удалось наскрести у местных ребят и учителей. Помню, первое время на весь класс был только один учебник «Геометрия» Киселева. Домашнее задание готовим сообща. Кто-то один читает и рассказывает, а остальные, тесно обступив, внимают. Тут же разбираем, кому что непонятно. Меня здорово выручает тренированная память.

У нас новая воспитательница, жена Гуревича, Екатерина Петровна Сумценко. Добрая, образованная, интеллигентная: окончила Харьковский университет, ранее преподавала в школе биологию. Несмотря на ограниченные возможности и суматоху поспешной эвакуации, Екатерина Петровна сумела вывезти несколько книг, патефон и немного пластинок. Долгими осенне-зимними вечерами танцы под патефон в узком проходе комнаты заметно скрашивали нашу, по большей части унылую, повседневность.

Зимой, заболев, я долгое время провел в постели. Чтобы не так тоскливо было лежать, Екатерина Петровна принесла мне книгу. Деликатно предупредила не афишировать и никому не давать. То была запрещенная книга репрессированного писателя Бруно Ясенского «Человек меняет кожу».

Нашего завхоза Добринского призвали в трудовую армию на строительство большого военного завода. Там он

заболел сыпным тифом. Еле живого жена привезла его в Карачельское и с большим трудом, меняя вещи на продукты, выходила и поставила на ноги. С весны 1942 года он снова работает детдомовским завхозом и добывает для нас пропитание. Осенью его опять мобилизовали, на этот раз в действующую армию. Летом 1943 года Осип Моисеевич пропал без вести.

В январе 1942 года пришла очередь идти в армию Гуревичу. Мы очень сожалели о нем.

Нет, Гуревич не был ангелом с крылышками. Напротив, был он строг, очень строг и жестко требователен. Вместе с тем был заботливым директором. Особенно это проявилось во время эвакуации и обустройства на новом месте. Он умел вовремя заметить и поддержать хорошее в наших не устоявшихся натурах. Умел быть снисходительным.

С войны Гуревич вернулся целым и невредимым. В 1946 году демобилизовался. Был назначен директором Кременчугского спецдетдома для детей, отцы которых погибли на фронте.

Наиболее острая проблема – зимняя одежда.

Зуральская зима сурова. Морозы подчас достигают сорока и более. В такой мороз надежно защищают от холода зимнее пальто с меховым воротником или полушубок, меховая шапка-ушанка и валенки.

Что имеем мы? В среднем одно пальто на двоих. Валенки еще меньше.

Старшим пацанам выдали шапки-кубанки и тужурки из полушерстяной ткани. Такая тужурка хороша и даже элегантна для осени или весны, но не для суровой зимы. Под тужуркой – летняя трикотажная хлопчатобумажная сорочка с коротким рукавом и нательная рубашка. Естественно, в таком одеянии и в ботиночках при силь-

ном морозе передвигаемся только бегом или ускоренным шагом. Так и пробегали всю зиму.

Остальные не имеют и этого. Половина надевает пальто и идет в столовую или в школу. По приходу пальто снимают и накидывают по несколько штук на плечи дежурного. Дежурные несут пальто в обратном направлении, чтобы одеть тех, кто остался и терпеливо дожидается своей очереди. Сплошь и рядом вместе с дежурными роль носильщиков выполняют воспитательницы. И так шесть-восемь раз на день до самой весны.

Другая проблема – вода, свет, тепло.

В селе единственный источник – река. Речная вода используется для питья, приготовления пищи, мытья и стирки. На кухню возим воду из проруби бочкой-водовозкой. Для других нужд (питье, умывание, стирка, купание) носим ведрами. Со временем научились делать это на коромысле.

Электричества в селе нет. Школьный класс освещается керосиновой лампой. В первую очередь освещаются доска, учительский стол и, по возможности, парты. Детдом керосиновых ламп не имеет. Освещаемся самодельными коптилками. Бутылочка из-под лекарств или флакон из-под одеколона наполняется керосином. Из жести вырезается кружочек с отверстием посередине. В качестве фитиля можно использовать кусочек шпагата, бинтик, узкую полоску тряпки, на худой конец – жгутик, свернутый из ваты. Кончик фитиля вставляется в жестянку, фитиль погружается в керосин, и «чудо техники» готово. При слабом свете коптилки делаем уроки, читаем, делаем другие дела. Девочки ко дню Красной Армии вышивают фронтовикам кисеты. Не удивительно, что после таких занятий под носом и в носу черным-черно, хоть вызывай трубочиста.

В военное время керосин – товар дефицитный, и его всегда не хватает. При полном отсутствии керосина школьный урок сокращается до 35-40 минут, перемены

до 5 минут. Меняется расписание. Первые уроки утренней смены и последние уроки второй смены отводят тем предметам, где можно обойтись без доски и не надо записывать (литература, история, конституция СССР).

Директор детдома теперь Вера Викторовна Дорошенко, завпед Екатерина Петровна. Неожиданно свалившаяся директорская должность была для Веры Викторовны тяжелым испытанием. Появились новые обязанности и заботы.

Вере Викторовне тогда перевалило за пятьдесят. Была она дочерью священника. С точки зрения социального происхождения, для того времени это считалось большим недостатком. Тем не менее перед войной ее приняли в члены ВКП/б/.

Жила Вера Викторовна очень скромно. Сколько помню, и относительно теплой украинской зимой, и в зауральскую стужу носила она одно и то же далеко не новое серое демисезонное пальто и такой же серый плавок. До войны жила Вера Викторовна при детдоме, занимая с сыном маленькую комнатку между изолятором и спальнями девочек.

Сын ее, Михаил, после окончания семилетки работал электриком. Примерно за год до войны призван на действительную военную службу. Пропал без вести в начале войны.

Прежде всего нашу ораву нужно накормить. А продуктовые нормы все время урезаются. Если осенью хлебная норма была 600 граммов на день, с нового 1942 года она стала 500 граммов, а к весне сократилась до 400. Оскудел и приварок. На ужин получаем только кусочек хлеба и стакан чаю. Кое-что из продуктов, например, картофель удается иногда приобрести у колхозников. Однако местное население неохотно продавало

продукты за деньги, которые в ту пору быстро обесценивались. Предпочитали менять продукты на одежду, обувь, керосин и другие промтовары.

Чтобы выжить, нужно самим выращивать картофель, овощи, злаки, т.е. заводить подсобное хозяйство. Надо побеспокоиться о заготовке дров. В детдоме появилась своя тягловая сила – старый мерин по кличке Змей, а с ним еще одна печаль: заготовка сена.

Растаскивать эту кучу больших и малых проблем предстояло нам, нашим воспитателям, сотрудникам, включая директора.

Вернемся, однако, в год 1942. Наш первый коллектив заметно редееет. После Нового года Гертруда Лактеева и Володю Мащенко направили работать на угольную шахту в Копейск.

Вскоре еще одну группу – Оксану Грудскую, Лену Затульвитер, Лену Галас, Марию Полтавец, Надю Пантелееву, Ивана Грина и других отправили на завод в город Усть-Катав.

На востоке страны ускоренными темпами создавалась военная промышленность, та материальная база, которая уже к концу года позволила переломить неблагоприятный ход событий, а два с половиной года спустя победно закончить войну. Военным заводам требовались работники, много работников. А где их взять? Почти всех, кого еще можно было привлечь, уже мобилизовали. Оставался один из последних резервов – подростки.

Срок пребывания в детдоме снижен до четырнадцати лет. И только тем, кто имеет реальные шансы поступить в техникум, предоставляется возможность закончить семилетку.

Как только завершился учебный год, последовала большая отправка. Более двадцати человек - всех, кто окончил седьмой класс, и две трети, закончивших шестой, посылали на военный завод в Копейск.

Моей фамилии в списке не оказалось. Репутация способного и прилежного ученика на сей раз сработала против меня. Я был подавлен тут же внедрившимся в сознание комплексом неполноценности: идет война, а я не гожусь даже для работы на военном заводе...

Уходили все пацаны, с которыми худо-бедно прожили вместе почти четыре года. Среди них был и Арвид, с которым мы шли из Киевского детприемника. Протестовал, добивался, чтобы и меня включили в список. Вера Викторовна стояла на своем:

- Через год пойдешь, куда захочешь. Тебе обязательно нужно закончить школу. Хочешь работать? Работы и здесь хватит. Только успевай!

Действительно, работы в то лето было более чем достаточно. Работали с утра до вечера, без выходных, начиная с июня и по октябрь. Отдыхали чаще всего в ненастные дни. Трудились в колхозах, в совхозе, в своем подсобном хозяйстве.

Руками рвали осот и полынь, оставляя после себя чистое ярко-зеленое пшеничное поле. Пропалывали и окучивали картофель. Носили ведрами воду и поливали овощи. Копнили скошенные хлеба. Свозили копны на ток. Осенью копали картошку. В лесной деляне валяли деревья. Заготовливали на зиму дрова.

Последний школьный год начался в середине октября. Из трех шестых остался только один седьмой класс, да и тот неполного состава – меньше двадцати учеников.

Вторая военная зима показалась мне не такой трудной, как предыдущая. Ко многому за полтора года войны успели привыкнуть. Произошли некоторые изменения к лучшему. В начале зимы детдом получил защитного цвета хлопчатобумажную ткань, вату и подкладочный материал. Сшили зимние пальто. Из шинельного сукна пошили шапки-ушанки. В декабре привезли валенки. Теперь каждый имеет зимнее пальто, шапку и валенки, а потому не так донимает холод.

Спим по одному. После нескольких отправок народу поубавилось. Чтобы спать было теплее, можно поверх одеяла накинуть пальто.

Благодаря тому, что в подсобном хозяйстве вырастили неплохой урожай картофеля, улучшилось питание.

Но наиболее значительными событиями зимы 1942-1943 года стали военные сводки. Радио в селе не было. Газеты приходили с большим опозданием. И все же с конца ноября почти каждый день мы узнавали о новых успехах Красной Армии, приведших в начале февраля к полному разгрому немцев под Сталинградом. По этому случаю в детдоме был митинг. Все заработанные летом деньги решили отдать в фонд обороны на танковую колонну «Челябинский колхозник». Через некоторое время получили благодарственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего.

Не обошлось без печальных происшествий. От крупозного воспаления легких умерла наша одноклассница Миля Пантелеева. Ушла в расцвете лет, за несколько месяцев до окончания школы, на пороге новой большой жизни. Хоронил Милю весь детдом. Стоял лютый мороз. Лошадь тянет сани с гробом. Следом знаменосец со знаменем, а за ним, шагая по глубокому снегу, растянулась процессия. Мне поручили сказать прощальное слово. Не будучи искушенным в такого рода речах, пробормотал что-то мало вразумительное, и комья мерзлой земли застучали по крышке.

Жизнь между тем шла своим чередом. Все сильнее пригревало солнце. В конце марта дружная весна за неделю съела снежный покров и высушила землю.

Приближались выпускные экзамены.

Итак, семилетка окончена. Позади более чем скромный выпускной вечер с кусочком пирога, стаканом чаю и танцами под патефон. Получено свидетельство о неполном среднем образовании с отличными оценками.

А что дальше? Теперь, когда цель достигнута, пребываю в растерянности. Куда податься? Поблизости только два техникума – педучилище в Мишкино и молочный в Чаше. Ни тот, ни другой меня не устраивают. Другой информации нет.

То же самое волнует и остальных. Пока определились только двое. Аля Флик собирается в Молотов к старшей сестре Любе, Володя Вовк – в Казахстан к отбывающей там ссылку маме.

Нужно думать, думать и думать. А времени для праздных размышлений нет. С утра до вечера работаем. В колхозе подоспело силосование трав, а следом – прополка. Потом пошли заготовка дров и другие работы.

И тут, как бывало тысячи раз до и после меня, подвернулся Его Величество Случай. Как-то вечером, устало просматривая «Комсомольскую правду», наткнулся на объявление: «Алапаевский геологоразведочный техникум объявляет прием...».

Геолог! Специальность интересная и не совсем обычная. На пороге юности легко увлекаешься. Воображение уносит далеко-далеко, где быть может, ждут тебя большие открытия. Чтобы разузнать подробнее, написал письмо.

Очень скоро пришел ответ. Напечатанный на плотной бумаге пространный проспект выглядел более чем солидно.

Принимаю решение подавать документы. Вместе со мной надумали поступать Зина Шевченко и Мира Шемет. Отослав документы, ждем. Во второй половине августа получаем извещения:

«Принят на первый курс без вступительных экзаменов с предоставлением общежития и зачислением на повышенную стипендию. Начало занятий 1 октября».

Пришло время отъезда. Новый директор, Екатерина Петровна (Веру Викторовну перевели в другой детдом), постаралась обеспечить нас всем, что положено по норме, и выдала даже немного сверх того. Получено выходное пособие – шестьдесят рублей и продукты на дорогу. Воспитательница Алла Федоровна Мельничук подарила мне еще двадцать рублей:

- Возьми! Они тебе пригодятся.

Вечерело, когда после недолгого прощания конюх Шура Саламатин дернул вожжи. Тронулась коляска, где сложены наши вещи, а за ней и мы.

Идем впятером. С нами еще Тамара Юхименко, она поступила в Чашинский молочный техникум. Сопровождает нас Нина Эдуардовна Франке. Много лет она была нашей воспитательницей, а недавно назначена завпедом.

Прошагав двадцать пять километров, на станцию пришли поздно вечером. Около полуночи занимаем очередь за билетами. Сменяя друг друга, дежури́м у кассы. Поезд будет в четыре утра.

Примерно за час до отхода открывшееся на мгновение кассовое окошко женским голосом изрекает:

- Мест нет.

Еще на что-то надеясь, не покидаем очередь. Напрасно. Поезд уходит. Первое столкновение с житейской

реальностью не в нашу пользу. Обидно, но ничего не поделаешь.

Тепло попрощавшись, уезжает Нина Эдуардовна:
- Извините ребята, я должна вас оставить. Начинается учебный год, и у меня много дел. Не забывайте нас. Пишите.

Мы остались одни.

Бледнело небо. Как угли гаснущего костра, догорали последние звезды. Наступало утро двадцать девятого сентября одна тысяча девятьсот сорок третьего года, первого дня самостоятельной жизни.

Мне пятнадцать лет от роду. Все мое имущество уместилось в небольшом мешке, сшитом из матрасной наволочки. Там же – буханка хлеба и немного продуктов, при экономном расходовании дня на три.

В кармане деньги, которых едва хватит на билет в общем вагоне, и выданный в милиции пропуск, дающий право на проезд от станции Шумиха до станции Алапавевск, где подчеркнуто слово «туда» и вычеркнуто «обратно».

Дороги назад не было.
А впереди была ВСЯ ЖИЗНЬ.

Людвиг Войславский
г. Харьков, Украина